

Ирина Митрофанова

Фуга

Горсть вишневых косточек

16+

Ирина Сергеевна Митрофанова

Фуга. Горсть вишневых косточек

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56036424
SelfPub; 2020*

Аннотация

Следующая после "Кто бы мог подумать" книга из серии Фуга. В монастыре происходят нехорошие события, одно почище другого. Это подталкивает его обитателей к самым глупым и безответственным поступкам, которые они когда-либо совершали в жизни. В ком сплетаются ложь, изворотливость, предательство, интриги. А все из-за тайной, тихо взлелеянной боли. И в конце кому-то придется пострадать.

Содержание

1	4
2	48
3	66
Конец ознакомительного фрагмента.	79

1

Андрей прижался лбом к холодному стеклу, умоляя природу одуматься. Более гнусной весны еще свет не видывал, а апрель и вовсе сошел с ума. Шутка ли, уже конец месяца, но солнце не показывалось и всюду снег. День за днем тучи только пуще наливались тягой, скрипели, ворочались в небе и бурчали пресыщенным чревом. Серые останки прошлогодней травы, скелеты цикория и пижмы, торчали над блеклым снегом, наводя тоску. В воздухе висла морось. Сырость влезла во все углы, пропитывая собой монастырь, и медленно сочилась сквозь стены. За окном: мерзлый грязный снег, грязевые колеи от колес вместо дороги, ручьи с кусками грязи, грязно-серое небо, что уходило за горизонт. Холод и уныние – кредо нынешнего апреля. Даже деревья продрогли и не спешили выпускать почки – так и стояли, голые бесстыдники, не прикрывшись, на ветру. Природа не оживала. Мир клонился к закату.

Андрей отлепился от стекла, все еще вглядываясь во влажное утро:

–

Наверняка, с высоты птичьего полета, наш город выглядит, как подтаявшая грязевая капля,

– он повернулся к столу и бросил негодующий взгляд на Богдана, -

Эгей, поосторожней! Ты забрызгал мой жилет.

Тот и бровью не повел.

–

Помидорка сама брызнула – она очень сочная.

–

Она не может сделать этого сама, Богдан, это ты зажал ее своими пальцами.

–

Зачем ты вообще разodelся на кухню?

–

Мне нравится следить за собой, что такого?

– Поэтому ты напялил жилет.

– Я вообще-то стою у окна, тут прохладно.

– Ну так перестань обжиматься со стеклом. И надень фартук.

– Я тебе не хозяйюшка какая-нибудь, чтоб в фартуке фланжировать, – оскорбился Андрей.

– Это надломит его чувство стилия, – шепнула Марина и они с Богданом усмехнулись шепотом, словно два ежа.

Через отражение в стекле, Лика заметила, что Сашка приближался к ним по коридору. Она круто обернулась и вперила в него испепеляющий взгляд.

– Знаешь, кто придёт к нам на ужин сегодня? – крикнула она Сашке, едва тот успел подойти, – Эта стерва Регина Вол-

данович! – Лика резко повернулась и её хвостик возмущённо взметнулся в воздухе. – О, разумеется ты знаешь, иначе не улыбался бы, как довольный кот. Это все твой дурной вкус и недалёковидность. И куда, скажи на милость, делось благородие? – Сашка оперся плечом о косяк кухни и слушал в пол уха. Пусть Лика была на взводе, но в её голосе мелькали и серьёзные нотки, потому что она свято верила в то, что говорила о Регине. Лика снова фыркнула на Сашку, – Что ещё за снисходительно взгляд? Думаешь, я не знаю, что говорю? Ухмыляйся сколько влезет, но помни мои слова, Регина Волданович ещё подкинет тебе свинью, Сашка – уж такова ее натура. – сестра разошлась не на шутку. Она металась по кухне, ругалась в полный голос, размахивала ножом. Широкий стол был заставлен бесчисленным множеством мисочек и кастрюль, нарезанные куски мяса громоздились прямо на голой столешнице, тут же настаивалось тесто. Пучки разнолистной зелени букетом торчали из банки с водой. Лика притащила откуда-то ярко-желтую тыкву, огромную, с ребристыми боками. От долгого хранения кожица тыквы стала толстой и жесткой, так что почистить ножом ее было бы не просто. Оттащив на середину кухни табурет, Лика положила на него овощ и с размаху рубанула большим кухонным тесаком. Нож вошел не глубоко, но плод треснул и Анжелика расковыряла его на две части. – Не стой истуканом, помоги, – рявкнула она Сашке, – Думаешь, мне провернуть такой ужин самостоятельно? Нас восемь и их семеро – это ж толпа!

Она была не одна, Андрей, Богдан и Марина, притулившись на углу стола, что-то лихорадочно чистили и нарезали. Из-под их рук бодро выскакивали разноцветные кубики овощей. Видно, им уже досталось от Лики. Сашка шагнул вперед.

– Я возьму на себя тыкву, – он постарался ненавязчиво отобрать у Лики огромный нож, которым она опасно орудовала, четвертую оранжевый плод.

– Как хочешь! – рявкнула сестра, – Сегодня же весь день посвящен твоим желаниям, – она отвернулась и тут же схватила что-то в руки.

– Тебя раздражает, что Регина лучше учится и она староста, – Сашка любил подразнить Луку, когда та на взводе.

Она нервно хохотнула:

– Это Регина так сказала? Но, конечно не упомянула, что она сдаёт меня при каждом пропуске, при любой невинной мелочи. Стоит мне на три минуты опоздать как об этом уже знает отец, – Лика осуждающе направила на Сашку огурец, – по её милости мы с отцом чаще ругаемся.

– Если бы ты не прогуливала, Лика, проблем бы не было вообще, – заметил Сашка.

– Проблем бы не было, если б твоя ненаглядная не распускала язык! Я всего лишь умело планирую свое время – учителя мной довольны, успеваемость хорошая, значит, нечего бес толку чахнуть над книгами. Ох, и вот! – Лика взвилась, вспомнив что-то новое, в глазах блеснул праведный гнев, –

Регина распустил слухи, что у меня шашни с профессором! Лысый очкарик волокита и, бывает, он пускает слюни на студенток, но, знаешь, такие заявления уже перебор!

Сашку забавляла ярость сестры, он даже не старался скрыть улыбку.

– Тебе, конечно, хиханьки, а что будет, если узнает отец. Снова взбучка на ровном месте.– Ли́ка устало вздохнула, – Если Бог есть, он не даст состояться этому вечеру.

– И давно ты сомневаешься во всевышнем?

Она рявкнула, не задумываясь:

– С тех пор, как ты встречаешься с Региной!

– Семеро? – пробормотал Богдан.

– Что-что?

– Ты сказала семеро, но Волдановичей шесть, они приведут кого-то?

Ли́ка откинула челку и уже совсем другим тоном проговорила:

– Отец сказал, будет ещё гость.

– Надеюсь, они не притащат с собой этого бухтилу Леопольда, он всегда бормочет гадости. У меня от него мурашки, – проговорила Марина.

– А сумасшедшая тетка Полина?– тут же подхватил Андрей,– У Волдановичей странностей предостаточно, ажно жуть.

Сашка покачал головой:

– Они никуда не водят Полину – она неуравновешена и

слишком непредсказуема для знакомства с людьми. Ее шаткому состоянию вредна каждая мелочь. А дед Леопольд давно не общается с Марком и другими.

– Почему Волдановичи такие странные?– сморщилась Марина.

– Да, Саша, почему? – ехидно ввинтила Лика.

– Леопольд больной и старый, он уже такая развалина, что его раздражает весь мир, – Сашка дернул плечом и тут же помрачнел от дурной мысли, – Однажды давно случилась тяжелая авария, дед остался прикован к коляске, а его сын – Всеволод Волданович – погиб. С тех пор Леопольд зол на всякого, ему остается лишь ворчать и ругаться, чтоб хоть как-то сладить с тоской.

– Не представляю, как ты его терпишь

– Волдановичи придут не с Леопольдом, сегодня у нас особый гость, некий юноша, Марк прочит его к отцу на службу, – проговорил Андрей, кромсая овощи.

– Ах да, неясная история с этим парнем, – оживилась Лика, – Якобы Марк обнаружил его в лесу, привязанным к дереву! Бедняга был слаб и напуган, он отказался говорить, кто его привязал.

Сашка кивнул с видом особой осведомленности:

– Волданович в нем души не чаёт; думает, что парень знает своих обидчиков, но из высоких соображений православной добродетели не выдаёт их – надеется, будто его смиренное молчание пробудит в них совесть, заставив тем самым

встать на путь искупление греха.

Андрей хохотнул:

– Верно парень-святоша тот ещё прохиндей и вполне заслужил быть привязанный к дереву, вот и молчит, как рыба. А разыгрывать невинность ему только на руку.

– Я давно заметила за тобой всплески расстроенного воображения.

– Так или иначе, а Марк хочет устроить его к отцу на службу, уже все уши прожужжал тем, что место диакона пустует в то время, как такой приятный юноша не у дел.

Всё замолчали, потому что из коридора, под лёгкий шорох рясы, послышались шаги. В дверях появился отец. Он застыл на пороге, разведя руки по сторонам:

– Что мне сделать с женщиной, чтоб ей было хорошо? – заявил он. На миг повисло молчание, Лика опомнилась первой:

– Есть тут один дамский угодник.

– Александр? – отец вопросительно посмотрел на сына.

– Что еще за вопросы! – Сашка с недоверием взглянул на отца, выковыривая внутренности тыквы.

– Ах, ты ничего не понимаешь! – Иоанн нетерпеливо отмахнулся, – Из года в год я сажаю кустики облепихи. Как известно, они любят расти парами и облепихи-мужчины чувствуют себя прекрасно, а вот женщины высыхают и гибнут, – отец заходил по кухне, сложив руки за спиной, – Вероятно – почва, слишком глинистая и пресная. Как же досадно! Нуж-

но непременно разобраться в этом вопросе, ведь так приятно попить зимой облепихового чаю, а уж варенье выше всяких похвал. – Было видно, что Иоанн в прекрасном расположении духа, он ходил по кухне и рассуждал о садоводстве, а остальные слушали его, не смея даже вставить слово. – Вот, совсем недавно, наткнулся на статью одного уважаемого ботаника, – продолжал он, – Учёный рассуждал, почему сорная трава, кусты и колючки растут в сочном изобилии на любом клочке почвы, а культурные посадки, даже в хорошо подготовленной земле, выращивать не просто. Да потому, – считает ботаник – что трава и колючки родные дети земли – их семена попадают туда естественным путем и даже могут храниться несколько лет, прежде, чем прорасти, а садовые культуры, те, что намеренно выращивает человек, будто бы подкидыши, навязанные пасынки, они противятся росту и земля их отвергает.

Иоанн замолк и вязкая тишина на миг сковала воздух.

– И как ты только проповедуешь с таким косноязычием, папа! – выпалила Лика.

– А, кажется, ты услышала что-то, к чему можно придраться, Анжелика, должен огорчить, что мне нечего стесняться своих слов, да и проповеди безупречны.

– Ты уверен в себе, как всегда! Собственно, как и прочие упрямыцы сего грешного мира....

Слово за слово она затянули перебранку. Ну да, отец и Лика больше двух минут в тесном помещении – это совершен-

но точно значит, что спора не избежать. Ли́ка всегда была поперечной, забиякой. С раннего детства она с ошеломляющей самоотверженностью торопилась затеять ссору, и очень быстро любимой мишенью для нападков стал Иоанн. Сдержанный, серьезный он растравливал любопытство девочки, и она, конечно, неосознанно, сама того не понимая, дразнила его придирками, дерзкими колючими ответами, непослушанием – выискивала пределы отцовского терпения и нащупывала, как далеко можно зайти. Ей нравилось наблюдать, как подтачивается выдержка взрослого сильного человека, как копится раздражение, медленно перерастая в ярость, как зреет чуть заметная морщинка суровости меж бровей Иоанна. С каким-то извращенным удовольствием она слушала, как он бранит ее и острым замечанием добавляла пыла его гневу. По мере взросления, Ли́ка доби́лась от отца того, что он выходил из себя при любом пустячном замечании, будто сама сущность Анжелики, само ее присутствие поднимали Иоанну нервы. Дома уже перестали относиться к этому серьезно. Но взрослея, постепенно Ли́ка теряла интерес к детским задирам, незрелым крикливым выходкам, спорам и нехорошему вниманию со стороны родителей; по своей сути она оставалась открытой, но взбалмошной и несдержанной. Иоанн же научился воспринимать ее в штыки, в любом слове слышал упрек, недоверие, а малейшее проявление свободы понимал, как откровенный выпад в свою сторону. Отношения не ладились, необоримый отец требовал послушания, а

в некоторых случаях даже подчинения, Лика просила принимать ее, как есть. И может к девятнадцати годам она уже не испытывала прежней жажды спора, но Лика была единственная, кто перечил отцу без страха и зазрения совести. И эти чрезмерные вольности угнетали Иоанна изрядно.

– В конце концов, Анжелика, право твоего голоса не так велико, как ты мнишь.

Лика швырнула полотенце о стол:

– Тогда готовь сам для своего Марка, раз я не важна! – она стремглав выскочила с кухни и в ту же секунду в глубине коридора хлопнула входная дверь.

– Богдан, выключи эту трахтелку! – цыкнул Иоанн. Отец не одобрял телевидение, Богдан потянулся к кнопке и вдруг застыл с вытянутой рукой. Он задохнулся от удивления, а лицо стало даже бледнее, чем обычно. Телевизор продолжил трещать среди безупречной тишины кухни.

– Ты что? – Андрей незаметно подтолкнул брата локтем. Богдан поспешно ткнул на кнопку.

– Ничего, ничего совсем!

– На тебе лица нет, – нахмурилась Марина. – Когда ты нервничаешь или пугаешься у тебя губы синеют, а сейчас вообще, как у покойника.

– Там говорили про отшельников в миру, Богдан увидел мечту своей жизни, – заметил Андрей.

Богдан покачал головой:

– Да-да, очень остроумная шутка, Андрей, – и, чтоб

сменить тему, указал на заваленный полуизрезанной едой стол, – Что же нам с этим делать?

Отец недовольно сморщился:

– Придумайте что-нибудь, – он уже готов был уйти. Повседневный мирские заботы всегда мало его волновали.

– Я все приготовлю, – в дверях показалась Женя. Она прошла на кухню, сняла коричневую клетчатую рубашку, повесила ее на спинку стула и добавила отцу, – Не волнуйся, я все устрою.

– Вот и хорошо, – отец тут же забыл о заминке с ужином и повернулся к Андрею. – Я вообще-то по твою душу, мой мальчик, помой руки и пожалуй ко мне во флигель.

Андрей покорно кивнул. Отец ушел, по обыкновению, заложив руки за спину, и все внимание устремилось к Андрею.

– Разговоры во флигеле не несут ничего хорошего, – будто невзначай заметил Сашка. Андрей и так это знал.

– И чем ты заслужил? – Богдан повернулся к брату. Тот пожал плечами, а вид у него был такой же растерянный и несчастный, как у самого Богдана минуту назад. Он оправил ворот рубашки, осмотрел жилет, пригладил медные завитки волос. Неясная тревога забилась внутри, когда отец сказал про флигель, Андрей не желал идти, поэтому решил еще тщательно вычистить ногти. Ему хотелось потянуть время.

Иоанну нравилось называть это местечко – флигель. Он видел некую магию в этом, рожающем уют и тягу к нето-

ропливым размышлениям, слове. Хотя на самом деле то был лишь крохотный и низкий перешеек, дощатый, всего с одним оконцем, который соединял колокольню и дом. В отцовских владениях всегда горел тусклый свет, пахло деревом и, едва заметно, благовониями из церкви. Их запах попадал сюда вместе с Иоанном – проникал в его одежду, а потом медленно источался в воздух, чтоб осесть по стенам тонкой, невидимой гладью. Крепкий стол отца стоял у самого окна, чуть выше висела лампадка. Сперва флигель стоял совсем пустой, не считая необходимой мебели, только голые дощатые стены, стол, стул и скромное бюро, но, со временем Иоанн обжил помещения, превратив его в подобие маленькой церквушки. По стенам развесил иконы, не столь богатые, как в храмовом зале монастыря, но милые сердцу. Появился и хорошенький шкафчик со стеклянными дверцами, где хранилось то да се, а против окна Иоанн расположил киот. Резной и свежeproлаченный, он призван бы играть лучами солнца, катая их свет в своих замысловатых гранях. Недавно батюшка достал из закровов церковного подвала старинную икону Архангела Михаила – ту, где он предводитель воинства – и повесил во флигеле. Это стало новой гордостью! Теперь Иоанн каждый день любовно рассматривал ее и стирал с рамы пыль.

Когда Андрей вошел, отец сидел за столом и хмурил брови. Мальчик тихо претворил за собой дверь.

– Славно, что ты не заставил меня ждать, Андрей. Тебе не

встречались мои часы? Припомни, часы-медальон на длинной цепочке. Нет? Они дороги мне. На службе утром лежали в кармане, а теперь, – отец с досадой похлопал себя по бокам, словно в надежде обнаружить пропажу, – ума не приложу куда запропастились!

Андрей покачал головой:

– Ты за этим меня позвал?

– Нет.

Отец Иоанн сцепил ладони в замок, поколебался пару мгновений, встал и заходил по флигелю. Пламя в лампадке задрожало от его шагов и распустило по комнате неуловимые тени. От запаха ладана клонило в сон.

– Полтора года прошло с того дня, как ты узнал историю своего прошлого, Андрей. Помню, тебе было нелегко свыкнуться с такой правдой. Ну а сейчас, она перестала тебя терзать? Сейчас, сжился ты с этой мыслью? – продолжая прохаживаться, бросил он взгляд на сына.

Отец опять за свое! Первым порывам было выскочить за дверь, но Андрей лишь поправил очки на переносице:

– А что мне остается!?

– Не стоит таиться, сын! – отец потряс внушительным перстом, – Запрятанная вглубь досада терзается в темноте!

– Отец, ты хотел поговорить, давай поближе к сути.

– Хм, – Иоанн поджал губы и снова уселся за стол. Его смутила отстраненность Андрея, но батюшка решил в это не углубляться, кто знает, как Андрей воспримет вести. Иоанн

немного покопался в бумагах, вытянул листок из общей кучи и положил его перед собой. – Сегодня мне звонили, – неторопливо начал он, – звонили из заведения, где лечится твой дядя... Лечился. Он скончался сегодня ранним утром.

Отец взглянул на Андрея, но тот никак не среагировал, лишь коротко кивнул.

– Грядут похороны, сын. Нужно решить, хочешь ли ты быть на них?

Андрей думал что-то сказать, но отец опередил его:

– Не торопись. Подумай хорошенько и завтра дашь ответ!

– Я могу и сегодня.

Иоанн прервал жестом:

– Завтра дашь ответ. Тогда я узнаю подробности и мы сможем съездить, проводить его в последний путь.

– Отец...

– Андрей, он твой единственный кровный родственник! – Иоанн вскочил на ноги и приблизился к сыну. – Помни, прощая обидчика мы освобождаем себя, сбрасываем груз обвинений. Бедолага настрадался, долго болел, мучился. Он умер – уже можно простить, теперь можно.

Отец сжал Андрею плечо, но тот лишь отвел взгляд

– Сын, вспомни о милосердии, о благодетели!

– Подожди, отец... – Андрей стряхнул его руку с плеча, но Иоанн не стал ждать.

– Мы умеем прощать, Андрей! Я учу вас этому с детства. Было видно, как эта история изводит тебя. На протяжении

полтора лет я пристально наблюдал за всеми вами, но только ты беспокоишь меня. Только в тебе я вижу внутренний разлад, борьбу и несогласие. Ты сложный человек и ты не смирился!

– Я бы предпочел оставить все в прошлом, – сдержанно парировал Андрей.

– Вот что я и прошу! Прекрасный шанс, не так ли? Душа освободиться от гнета дурных дум; увидишь – станет просторней и легче.

– Я не пойму, что ты хочешь от меня?

– Я хочу, чтобы ты проводил своего дядю, но сделал это без обвинений в сердце. Смерть всему подводит черту, дальше только воля Господа. Отпусти его с миром.

– Пусть идет. Я никогда не был препятствием ему, а сейчас он мертв и тем более мне не доступен.

– Не нужно сарказма, сын! – отец вздохнул и назидательно продолжил. – К чему биться о камни в бурном потоке негодования и обид, когда можно возвести мост и вскоре забыть о стихии?

Андрей не понял, был ли это прямой вопрос или смутный призыв к размышлению. Он долго смотрел на отца, но так и не выдал ни слова.

– Не упрямясь, – снова молчание. – Ступай, – сказал бабюшка Иоанн, – сейчас ступай, а завтра скажешь, что надумал.

Андрей направился к двери, но у самого порога отец снова

заговорил:

– Ты умный мальчик, Андрей. Думаю, ты найдешь в себе силы поступить правильно. – И другим тоном добавил: – Хорошенько подумай!

Андрей не обернулся. Вот уж о чем не хотелось думать! Внутри стала подниматься до тошноты знакомая волна тревоги. Из старательно заколоченных тайников души просачивалось мятежное беспокойство, потянул лапы к горлу едкий страх. Андрей торопливо преодолел монастырский двор, вошел в дом и тихонько скользнул в свою комнату. Богдан ютился в углу, он уже закончил на кухне и теперь читал при свете настольной лампы – скупого солнца нынешней весны не хватало даже для страниц книги.

Андрей присел на край кровати и закусил ноготь. Он старательно отгрыз выступающую часть на большом пальце, отковырнул уголок, подцепил и оторвал заусенцы и остервенело впился в другую руку. Вдруг стало зябко, словно от холодного ветра и Андрей растер плечи ладонями. Богдан отложил книгу:

– Ну что стряслось? – брат не ответил. – Андрей, зачем звал тебя отец?

– Звонили из лечебницы, – промямлил Андрей с пальцем во рту, – мой дядя умер. Тот самый дядя...

– Уmmm, – протянул Богдан, и на некоторое время повисла тишина. – И что дальше?

– Отец хочет, чтоб я поехал на похороны.

– А ты?

– Я даже знать об этом ничего не хочу, Богдан. Я только-только сложил мысли на место, свыкся с прошлым и решил не вспоминать об этой истории, а тут такое!

– А ты сам, что думаешь о его смерти?

Андрей дернул плечами:

– Ничего. Помер и ладно.

– Ну вот и решено – нечего тебе делать на этой панихиде! – Богдан снова уставился в книгу. Но Андрей снова его дернул.

– Отец настаивает! Ты бы слышал его, Богдан, он прямо склонял меня к поездке. Взывал к милосердию, к православной праведности и требовал простить дядю – проводить его с легким сердцем. Якобы, освободить душу от оков обвинений, забыть обиды, – Андрей высокопарно развел руками. – Очиститься.

– Андрей, ты делаешь из мухи слона. Не хочешь провожать дядюшку в последний путь – не надо. Ему уже все равно, будешь ты на похоронах или нет и отец это хорошо понимает.

– Андрей усердно погрыз палец:

– Я не могу отказать – это же наш отец!

– Богдан вскинул брови:

– У тебя какое-то нездоровое отношение к отцу?

– Не-а.

– Богдан снова уставился в книгу, но вскоре не выдержал:

– Перестань муслякать ногти, Андрей!

У Герасимовых что-то творилось. Перед домом стояла машина, входная дверь была нараспашку, а изнутри доносился шум. Мишкин дед не водил машину, Андрей знал это очень точно, так что видимо к ним приехали гости. И, судя по гаму из растворенной двери, гости нежеланные. Андрей осторожно ступил на мягкий половичок прихожей – из большой комнаты слышались ругань и несдержанные голоса, похоже там горячо спорили. Может, Мишка опять что-то напортачил и пришли разбираться? Андрей помялся у выхода. Вовсе никудышное время для визита, лучше потихоньку ускользнуть и не добавлять суеты. Вдруг дверь в конце коридора приоткрылась, оттуда выглянул Мишка.

– Ух, это ты! – он казался взволнованным и странно бледным. – Хорошо, что пришел!

Герасимов затащил Андрея на кухню и захлопнул дверь.

– Что такое у вас твориться? – спросил Андрей. Мишка не ответил, вместо этого он замер прислушался к голосам за стеной. – Давай, я потом зайду. Совсем не хочется здесь быть, когда...

– Останься! – нервно одернул Герасимов. Андрей послушно пристроился на табуретке, внимательно вглядываясь в друга. За последнее время Мишка здорово вытянулся и воз-

мужал. Плечи стали широкими, а грудь тощая, щеки сильно впали, скулы выступили на лице и в вечерних сумерках жестко очерчивался его выдающийся профиль.

– Кто там пришёл? И почему такая ругань? – снова спросил Андрей.

Герасимов словно не слышал его. Он метался по кухне, затравленно озираясь и, время от времени, припадал ухом к стене, чтобы подслушать. Андрей тоже наострил, однако слов было не разобрать, лишь свирепые голоса.

– Мишка, объясни, что ты там выслушиваешь!?

– Герасимов зажато дернул плечом:

– Это мои родители.

– То есть как, твои... О! – Андрей вдруг почувствовал себя неловко, не зная, что сказать: – Так это же... Я думал, это хорошо.

Мишка бросил на него беглый взгляд и покачал головой:

– Дед не хотел, чтобы они являлись. Они знали это, но приехали.

– Я не понимаю, что с того? Ну, приехали, ведь вы родные.

Мишка снова покачал головой.

– О чем они так спорят? – Андрей нахмурился, Мишкино настроение потихоньку передавалось и ему.

– Обо мне.

– О тебе, на повышенных тонах? Ты что-то натворил?

Мишка метнулся по кухне и вновь прильнул к стене.

– Дед кричит, – вскоре заключил он. – Очень сильно ру-

гается, похоже, он не в силах совладать с собой. А бабушка рыдает.

Андрея резко взбудоражила догадка, он вскочил и тоже прижался к стене.

– Что о тебе спорить, Мишка? Чего они хотят? – Андрей тормошил друга, но тот был слишком увлечен склокой, слишком нахохлен. Андрей тоже прислушался к голосам в соседней комнате, опасаясь узнать страшное, но среди возни и скомканного шума отчетливо можно было разобрать лишь тиканье часов с полки над холодильником. Они с Мишкой оказались совсем рядом, Герасимов уставился на друга в упор тяжелым прямым взглядом. Голосом без интонации он сказал:

– Они хотят забрать меня, – у Андрея что-то дернулось внутри, – А дед с бабушкой против. Вот и вся причина.

Андрей отскочил от стены.

– Но они не могут тебя забрать! Ты живешь теперь здесь, нельзя так выдергивать человека из жизни, – Мишка сочувственно глянул на друга, но промолчал. – И потом, как же школа! Сейчас конец года – это просто смешно, куда ты пойдешь в оставшийся месяц!?

Мишка пожал плечами:

– Как видишь, это мало кого волнует. Родители приехали меня забрать, но и дед настроен решительно.

Из-за стены послышался грохот и еще более сильная брань. Мишка отошел и как-то жалко ссутулился. Андрей

постарался подавить волнение:

– И в чью сторону пока склоняется беседа? – глухо спросил он.

Мишка нервно усмехнулся:

– Беседа? Нет, они просто поливают друг друга грязью. Это длится с утра, – Герасимов поежился. – Бабушка совсем уже в беспамятстве, боюсь, дело обернется обмороком.

Так действительно ничего не решить. Им стоит остановиться и продолжить разговор с холодной головой.

– Да как ты не понимаешь, Андрей, это не разговор! Они лучше изничтожат друг друга, чем станут говорить на равных!

– Ерунда, покричат, потом остынут – и вы все решите.

Мишка горько, натужно улыбнулся, от чего у Андрея мигом убавилось уверенности.

– Откуда же столько ненависти?

– Они долго к этому шли, – все с той же улыбкой пояснил Герасимов. Мишка ссутулился на табуретке и зажал ладони меж колен. Затянулось молчание. Андрей уже забыл, зачем пришел и, откровенно говоря, понимал, что он здесь лишний здесь. Стоило бы уйти, но Мишка выглядел таким несчастным, Андрей не решался оставить его. За стеной голоса то затихали, то становились громче, ребята уже не прислушивались... Мишкина меланхолия передалась и Андрею, друзья лишь бессильно ожидали исхода.

Скрипнув, дверь соседней комнаты распахнулась, в кори-

дор вывалил люд. Через щель в притворе Андрей разглядел деда – тот махал руками и громко доказывал правоту. Тут же ему противоречил плечистый мужчина с темной щетиной на лице. Следом показалась женщина. Даже через щелочку бросалось в глаза ее поразительное сходство с Мишкой – жесткие черты лица, могучий нос, черные волосы. Бабушку было не видно, но, сквозь гам, смутно угадывались ее жалобные всхлипы.

– Черт! – Герасимов вскочил на ноги. – Я должен положить этому конец.

– И что ты можешь сделать? – Андрей взглянул на друга, – Сам же говорил, что они не придут к согласию.

– Вот именно, – Мишка сверкнул глазами. – Ответ будет за мной.

– Ты... Ты сам хочешь выбрать с кем оставаться? Что ж, пожалуй, это верно...

– Нет, Андрей, – как-то слишком уж тихо прервал его Герасимов, – ты опять неверно понял. Я должен не выбрать кого-то из них, а от кого-то отказаться. Если останусь с бабушкой и дедом, то больше не увижу родителей – будь уверен, дед позаботится об этом. А если уеду, в эту же секунду он отречется от меня, как от предателя.

– Что за дикость! Это слишком важный шаг, чтоб совершать его сгоряча. К тому же, ты еще ребенок, ты не должен сам принимать такие решения – это дело взрослых.

– Сам видишь, другого выхода нет. Я не могу всю жизнь

отсидиваться на кухне и скрываться от проблем.

Андрей похолодел.

– Мишка, что ты выберешь?

– Я не знаю.

Герасимов распахнул дверь и выскочил в коридор.

– Хватит! – крикнул он, – Прекратите спор.

Мишка вклинился между дедом и остальными и снова крикнул:

– Хватит! – шум поутих. – Я сам могу решить уехать мне или остаться, ясно? Это моя судьба, значит и конечное слово за мной.

– Мишааа, – застонала бабушка и потянула к нему руки. Герасимов отвернулся и выскочил во двор – он все еще не знал, как поступить. Студеный ветер взъерошил волосы и приятно охлаждал лицо, свежий воздух сулил ясность. Краешком глаза Мишка увидел, как появились остальные. Отдельно в сторонке остановился Андрей.

– Хорошо сделал, что пришел сегодня, – сказал ему Мишка и тут же бросил через плечо: – Я ворочусь завтра.

Мишка рванул вниз по улице, не оглядываясь, к лесу, лишь белые подошвы истасканных ботинок мельтешили, стремительно удаляясь от дома. Где-то далеко, словно за пределами вселенной истошно закричала бабушка – Андрей почти и не слышал ее, ведь сам терпел крушение. Внутри что-то оборвалось и громко рухнуло, будто отслоился внушительный кусок потрохов и зыбко распался на бесполезные

части. Андрей падал в пропасть... Уму непостижимо, Герасимов может уехать.

Марк Всеволодович Волданович был давним другом отца. Он родился и вырос в городке, но, женившись, покинул его в поисках карьерных успехов. Марк Волданович был врачом, причем, весьма успешным, в определенных кругах его уважали, а в научных журналах время от времени появились статьи его пера. При этом Марк вынужден был часто навещать деда, что оставался жить в городке, один, без родных и опоры. Старый брюзга и калека Леопольд Волданович, как и многие пожилые люди, был привязан к месту, а точнее ни под каким предлогом не соглашался переехать к Марку. Старик был просто несносным. Кроме него, в родном городке оставались блаженная сестра и престарелая мать жены Марка – Амалии Волданович. Случилось так, что преклонных лет старушка одряхлела, заболела и Волдановичам не осталось ничего, кроме как вернуться к родным пенатам заботиться о ней, а так же о слабоумной сестре Полине. С тех пор много воды утекло, но Марк и отец Иоанн, как прежде, оставались неразлучны. Отец всегда прислушивался к другу и высоко ценил его мнение. А когда Марк отрекомендовал своего нового знакомого, очаровательного юношу – которого, по слухам, нашел в лесу привязанным к дереву, к тому

же семинариста, Иоанн пообещал взять того диаконом.

Волдановичи не заставили себя ждать, они никогда не опаздывали. Марк Всеволодович, полноватый румяный мужчина с черными усами и мягкими, зачесанными на бок, волосами. От него веяло радушием и здоровьем. Благоклонная улыбка херувима выдавала в нем сытого, счастливого главу семейства. Марк явился в сопровождении пяти роскошных женщин – дочерей Каролины, Регины, Ангелины, Аделины и жены Амалии – кудрявой, сдержанной и subtilной. Все дочки были совершеннейше похожи на мать и красотой и пышными волосами, а у отца переняли лишь очаровательную словоохотливость. Волдановичи всегда являлись шумно, с объятиями, с подарками, с прохладным вечерним порывом, с легкой болтовней. Женщины стучали каблуками, пестрели платьями, поправляли кудри и говорили, говорили... Был с ними и гость, тот самый диакон. Он скромно мялся в стороне.

Сашка сглотнул ком. Он стоял посреди кухни, откуда были хорошо видны длинный коридор и прихожая. Гости топтались у двери, родители весело встречали их, была возня, толкотня, но один человек выделялся... Сашка вдруг задумался, откуда рождается неприязнь. Ясно, что из дурных поступков – малодушия, лжи, предательства, вранья, разнящихся взглядов на жизнь – всего не перечесать. Но как появляется беспочвенная неприязнь, которая возникает при одном лишь взгляде на человека? Она зарождается из мгнове-

ния и тут же дает о себе знать чувством упрямого протеста, отвержения. Не каждый может недолюбливать незнакомца на пустом месте, благодетельные выискивают причины, чтоб оправдать гадливость, ведь для кого-то неприязнь без стыда и совести тяжелая ноша. Сашка не мог оторвать взгляда от Кирилла. В душу пролезло нечто липкое и разъедающее, Сашка помялся с ноги на ногу, чтоб избавиться от омерзения, но смена позы мало помогла. Тем временем, Кирилл оказался у Регины за спиной и раболепно помог ей снять пальто. Сашка не желал, просто не мог поверить в такую мерзость.

– Этот человек не может быть диаконом, – прошептал он.

Лица подошла в медленном недоумении, уголки приоткрытого рта невольно опустились в неприкрытое отвращение. Она встала рядом с Сашкой:

– Это... Кирилл?

– К сожалению, да.

Он... Похож на крысу или на... Даже не знаю. Что это у него под носом?

– Усы.

– Псивые усики.

Сашка невольно пощупал лицо – под пальцами немного колосось. Лица отдернула его руку:

– Перестань, он смотрит.

Диакон был худощав, невысокий, его лицо имело странную пирамидальную форму с вытянутым носом вместо вершины. Он напоминал суриката. Одет был с иголочки – бело-

снежная рубашка, брюки по моде чуть узковаты и блестящий кожаный ремень. Темные прилизанные волосы спускались до плеч и завивались на концах в крупные колечки, диакон туго затягивал их в хвост.

– Господи помилуй, – пробормотал Сашка, – он напмадил волосы!

– Почему церковники никогда не стригутся?

– Он помог Регине снять пальто.

– Я ей сочувствую. – Ли́ка уверенно покачала головой, – Нет, он не может служить в церкви – с таким взглядом не служат в церкви! Он же не смотрит, а зыркает исподтишка, словно лапает, и у него влажный рот... Он идет!

Гости прошли в столовую и Марк объявил:

– Друзья, познакомьтесь, наш новый знакомый, даже приятель, мой дорогой Кирилл.

Диакон еле́но улыбнулся. Он тряс руку Иоанну, бормотал приветствия во все стороны, Сашка заметил, что он подгибается и заискивающе ловит взгляд, когда говорит с отцом или Марком. Это было так неприкрыто и очевидно, что удивительно, как отец, такой чуткий к тонкостям поведения, не заметил столь вычурного лакейства. Еще, в суете знакомства, Кирилл раз или два, как бы невзначай, касался Регины. Наверняка случайно, но Сашку это покори́ло.

Наконец Ли́ка подала последние мелочи на стол и все уселись. Отец сидел во главе, на своем обычном месте, рядом с ним Марк, следом диакон. Иоанн был в приподнятом на-

строении, много говорил с другом, расхваливал икону Михаила, что висит теперь во флигеле, упомянул о прекрасном положении дел всевозможных контор матушки Анны, а когда Марк завел речь о Кирилле и всех его достоинствах, Иоанн поглаживал бороду и все повторял:

– Добро, добро.

– Он досконально знает писание, – Марк не уставал нахваливать своего фаворита, – а как поет! Голос – чудо, это великолепно украсит твою службу, Иоанн.

– Я пою псалмы из истинного удовольствия, даже находясь наедине с собой, – пролебезил диакон. Иоанн одобрительно кивнул:

– Александр изумительно поет, но я никак не уговорю его помогать мне в службе, он все отлынивает.

Сашка сделал вид, что не слышит. Диакон ненавязчиво прислушивался к разговору, но старался не упустить нить. Ел мало, скромно улыбался и учтиво ухаживал за дамами. Так, чтоб незаметно, исподволь Лика поглядывала на него, изучала внешность, манеры, но никак не могла взять в толк, что есть в нем такого отталкивающего, что даже кусок в горло не лезет. Невнятная поросль над верхней губой, крысиный нос... Нет ничего глупее, чем не любить человека за его лицо, к тому же Лика встречала и поневзрачней. Глаза у дьякона темно-карие, приятный цвет, а сам взгляд плавающий, сальный. Он ни на кого не смотрел прямо, лишь бегло ощупывал и тут же отводил взор. И видно, что очень любил себя

– щепетильно одевался, а уж как зачесал плюгавый хвостик. И руки гладкие, почти женские. Лица припомнила, что Сашке он тоже не понравился, значит, есть в нем нотка омерзительного. И отец бы понял это, если б смотрел на диакона не через призму исступленного восхищения Волдановича, а собственным трезвым взглядом.

– Анжелика? Ты что, не слышишь?

Лица вздрогнула:

– Прости, папа.

– Мама спрашивает, не возьмешь ли ты подопечного из общежития. Один молодой человек переезжает в новый дом и нуждается в наставнике.

– Нет, пожалуй... – Лица искала весомый предлог, чтоб отказать, можно было бы сослаться на учебу и сильную нагрузку с домашним заданием, но здесь Регина, она тут же объявит все враньем.

Иоанн тут же насупился и прогромыхал:

– Ты ни разу не брала подопечных, так не годится. Я обещал маме, что на тебя можно положиться в этом важном деле.

– Но я не хочу!

– Хотение не определяет наш жизненный путь.

– Нет, определяет! – Лица взвилась, почувствовав притеснение своих свобод, – Только по твоим тиранским представлениям нужно жить через силу, чтоб выстрадать себе жизнь и утешаться лишениями, как маленькой святостью.

– Ну и нахально...

– Можно мне? – тонко прозвучало над столом.

Все посмотрели на Женю. Она обратилась к отцу, но быстро отвела взгляд и теперь говорила маме:

– У меня тоже не было подопечного и, думаю, я справлюсь.

– Решено, – отец не сдался бы так быстро, не будь в доме гостей, но теперь лишь благосклонно кивнул и строго зыркнул на Лику.

– Могу я поинтересоваться, о чем идет разговор? – подал голос диакон. Не речь, а чистый мед. Шелковистый, вкрадчивый голосок с легкой хрипотцой, тихий и увещательный, как раз для церкви.

– О, это чудесная задумка матушки Анны, – отец ожил и погладил бороду. – Для молодых людей, которые решили встать на путь исправления у нас имеется общежитие, удобств там немного, зато крыша над головой и приятная компания. У многих были сложности со всякими нехорошими вещами, – иногда Иоанн не любил говорить прямо и называть вещи своими именами, например произнести «наркоман» казалось ему непосильной задачей. Так что батюшка выискивал возможные обходные пути, надеясь на пронизательность Кирилла, – А для выздоровления необходима благоприятная среда, – продолжил он, – И чтоб после лечения не возвращаться в прежнюю дурную обстановку, к сомнительным друзьям и разлагающему образу жизни придумано

наше общежитие. Какое-то время молодые люди проводят там, потом мы помогает им обосноваться в обществе, найти работу и жилье. За это мы просим малость – приобщиться к Богу и посещать церковь.

– Там алкоголики и наркоманы, а папа хочет их обработать, – пояснила Лика.

Отец кивнул. Диакон тоже, явно озадаченный пространными разъяснениями Иоанна.

– Я хотел, чтоб Анжелика взяла на себя роль наставника для одного из наших жильцов.

– Поправьте меня, батюшка, если я ошибаюсь, но не так-то легко взять на себя ответственность за чье-то духовное воспитание, – угодливо, как лстивый кот, проговорил дьякон, – Как многие считают: поп да бог – пока разум плох, – зачем-то добавил он улыбаясь, но тут же пожалел о сказанном, потупился и спрятал улыбку.

Отец сдержанно поджал губы:

– Возможно.

Кирилл защищает ее! Лику слегка передернуло. Осталось ощущение, будто теперь она ему должна. Этого человека привязали к дереву в лесу и оставили на ночь, а может и на все, просто Волданович нашел его раньше, чем тот успел замерзнуть – значит, кто-то уже испытывал к нему неприязнь, да такую, что до греха доведет. Следовательно, Кирилл умеет настроить против себя. И делает это совершенно неосознанно, учитывая его манеру подольщаться и угождать.

Чтобы отец не втянул ее в новую беседу, Лика заторопилась освободить стол для пирога. Батюшка, тем временем, подвел диакона и Марка Волдановича к красному углу в столовой и с благоговейной любовью и теплотой стал показывать иконы. Сашка уловил удобный момент подойти к Регине:

– Ты, кажется, с ним коротко, – он кивнул в сторону диакона.

– Верно, мы сдружились. Он приятный малый, учтивый и интересный.

Это немного задело Сашку, но он не подал виду:

– Отец от него тоже без ума.

Регина свела брови:

– Похоже, ты приревновал.

– Для этого я слишком горд.

Она была очень красива. Роскошные кудри спускались ниже плеч, переливаясь всеми оттенками каштанового – от темно-орехового до карамельного с золотистыми крапинами, словно с лисьего хвоста. Пышные пряди образовывали безупречно ровные колечки, что колыхались при каждом движении и были очаровательны даже в беспорядке. Сашке нравилось, как тонули ладони в этих волосах, было приятно пропускать их шелк меж пальцев, распрямляя мягкие пружинки, а потом отпускать и наблюдать как резво они закручиваются обратно. А глаза, темно-карие, искристые и прозрачные, подобно лучику солнца в крепком чае. Сашка был

влюблен довольно давно и в Регине ему нравилось решительно все без остатка. Особенно очаровательны те мелочи, что она делала каждую минуту совершенно неосознанно: наклон головы, случайный взмах руки, улыбка, мимолетное замечание, движение бровей. Было особое выражение, в те минуты, когда Регина недопонимала о чем идет речь, ее лицо становилось серьезным, а взгляд прямым с прищуром, подбородок чуть заострялся – это выражение, безусловно, самое восхитительное проявление красоты, которое Сашке доводилось видеть в жизни. Непонятно, как это окружающие не замечают столь откровенного совершенства, но Сашка даже радовался их невнимательности – пусть великолепие будет открыто лишь для него. Она сама прекрасно знала, какое впечатление производит – Регина, как и другие дочери Волдановичи, с детства была избалованна и красива, от чего окрепла в ней некая благородная спесь, даже высокомерие. Сашка безоговорочно признавал за ней эту царственную капризность и полагал, что в том-то и секрет всего чуда.

Регина была обворожительна, это бесспорно, и их с Сашкой отношения были наполнены восторгами и благочинной набожностью. А Лика все время лезла и зудела на Регину, покрывая ее нехорошими словами. Сашка пропускал замечания сестры мимо ушей, совсем не хотел слышать их, от чего даже почти не защищал Регину. Штука в том, что в глубине души Сашка знал, что Лика имела ввиду и это неприятно давило.

Сашка Чижов, высокий, худой, как рыба кость, у которого брюки держались лишь на ремне, а иначе конфуз. Он днями напролет что-нибудь чинил в монастыре, весь перемазанный краской или ходил с ног до головы в опилках. А в другое время, сидя за маленьким пианино, придумывал музыку для театра или так самозабвенно играл на гитаре, что та вопила на весь дом. Конечно, он понимал, что они с Региной не ровня, но это для обоих из них так безразлично, что просто смешно. Сашка Чижов был необычайно веселым, светлым и лучезарным, хотя и противоречий в нем хватало. Человек высоких нравственных идеалов, но при этом, насмешливо, прищурив глаз, говорил такие вещи, что Регина краснела от макушки до пят. В нем вольнодумство сплеталось с православными канонами, а раскованность переходила в благодушие и кротость. Внутренняя свобода позволяла ему быть столь искренним, что порой казалось непристойным. В своем беззлобии, Сашка видел жизнь легко и не считал нужным скрывать это. Что особенно восхищало Регину, Сашка, пожалуй, знал все на свете, мог рассуждать на любую тему, а главное – у него было особое подвывернутое чувство юмора, с ним было смешно. И можно чувствовать себя великолепной.

Регина тайком скосила на него взгляд и бегло осмотрела мягкий профиль. Ей показалось, Сашка не рад знакомству с Кириллом, что подтвердило выражение его лица – он никогда не умел прятать свои чувства. Впрочем, вдохновленные

люди и не считают нужным их скрывать.

После ужина, Иоанн настоял, чтоб гости спустились в церковный подвал – батюшка жаждал показать хранилище. Давно, ещё только после самого прибытия в городок, Иоанн осматривал строения монастыря и заметил, что по разным углам, в пыли и обломках старых стен, то там, то тут, распаханы ценнейшие артефакты: иконы, складни, распятия и многие другие интересные вещицы. Он быстро сообразил устроить хранилище и бережно собрал старину. Часто, заброшенные иконы попадали в руки батюшки в плачевном состоянии и требовали серьёзной, кропотливой реставрации, но были и те, что отлично сохранились, не смотря на прошлые тяжелые времена. Иоанн находил в этом долю божественного вмешательства. И вот, спустя долгие годы, одну за другой, удалось восстановить большую часть драгоценных находок. К сожалению, многие так и лежали по ящикам, в ожидании добрых рук художников. Это лишь вопрос времени, как говорил Иоанн. Он досадовал, что не может заниматься хранилищем чаще – служба в церкви отнимала слишком много времени. И, хотя церковный подвал выглядел довольно запущенным, иконы там лежали по опрятным полкам, а температура воздуха и влажность отвечали нормам. Иоанн показывал хранилище только избранным гостям. Он проводил Волдановичей и Кирилла к церкви.

– В такой час тут жутковато, – проходя по пустынному храму, проговорил Иоанн, бодрым от приподнятого настро-

ения голосом. Ночью церковь наполнялась пронырливыми тенями, призраками и раскидистым эхо.

Он проводил всех вниз по узкой каменной лестнице и отпер массивную дверь хранилища одним из ключей с внушительный связке. Сперва, хранилище не впечатляло: тёмное, сырое помещение с тяжёлым воздухом, в углах сложен хлам, деревянные ящики громоздились один на другой разноуровневыми башнями, похищая скупой свет. Марк Всеволодович Волданович всматривался в полумрак через круглые очки.

– Знаю, на первый взгляд тут бардак, – проговорил Иоанн, словно извиняясь, – Но я проделал колоссальную работу. Освежил свои знания по хранению святынь, неплохо потратился, потрудился, но хранилище стоит вложенных в него сил. Мы отремонтировали весь подвал, я приобрел специальный увлажнитель воздуха, повесил батарею. По мере возможности слежу, чтоб условия хранения соответствовали допустимым нормам.

Гости продолжали топтаться у входа. Отец чуть смутился, он ожидал всплеска восторгов немедленно, сию же минуту.

– Нужно подойти к стеллажам, – пояснил Иоанн, – Все самое сокровенное лежит по полкам и за стеклянными дверцами шкафов.

Марк снял одну икону с полки и стал внимательно осматривать её. Восхищение не заставило себя ждать. Марк брал в руки иконы одну за другой, подолгу рассматривая каждую. Вскоре он стал расхваливать красоту столь бережно

охраняемых вещей. Где-то заметил богатство и роскошь, где-то, напротив, подчеркнул скромность и мягкое исполнение, кое-что запомнилось тонкостью реставраторского мастерства. Ни у кого не возникло сомнений, что все иконы и распятия сильно намолены, стало быть – животворяще. Всё большое семейство Волдановичей успело подивиться изяществу, богатству коллекции и трудоемкой работе по её восстановлению. Иоанн слушал с улыбкой сдержанной хвастливости.

– Иоанн, это же изумительно. Естественно – клад!

– Большая часть здешних икон считается произведением искусства. – невероятно довольным голосом поведал батюшка, – Старинные книги, свитки ценны сами по себе. А как болело мое сердце, когда я только находил поврежденные святыни в обломках монастыря! Увы, многие утрачены. Дерево сгнило, бумага погорела или изгрызена жучками – даже думать страшно, до чего доходит людское попустительское, черствое. Это нужно быть совсем закаменелым духом, чтоб дать погибнуть столь поразительным произведениям искусства.

Волданович в сочувствии покивал и тут же погрозил пухлым пальчиком:

– И ведь ни словом не обмолвился, а скрывал от меня такое великолепие столько лет.

Густая борода скрыла улыбку, но по блестящим скулам батюшки было понятно, как переполняет его радость.

– Придя сюда, вы и сами заметили, что место пока не готово. Я все мечтаю довести хранилище до ума – прибраться тут, оштукатурить стены. Придать вид. И не хотел раньше времени пускать гостей, но уж сегодня не сдержался. – Иоанн погладил бороду и грудь, что говорило об особом расположении духа, – А теперь и помощник имеется, – он посмотрел на диакона, – Полагаю, мой юный друг, с вашим участием работа спорится.

Кирилл протиснулся вперёд. Мямля и запинаясь, он начал изумляться:

– Батюшка Иоанн, это такая честь! Я и мечтать не мог служить под вашим началом, а уж быть введенным в узкий круг приближенных к хранилищу – для меня выше всех похвал, – Кирилл разволновался и старался накрутить во фразы побольше благодарности.

Довольный Иоанн посмотрел на Сашку:

– Хоть у кого-то достанет прыти мне помочь, – почти без укоризны бросил он сыну.

– Я рад за вас обоих, отец, – буркнул тот.

– Конечно, наипрекраснейшие иконы висят теперь в храме – прятать их тут, вдали от глаз прихожан, было бы жмотством, – батюшка отвлёкся от Сашки и неспешно побрел за остальными на выход, – Кое-что я позволил себе держать дома – те иконы, что не имеют большой ценности, но особо милы моему сердцу.

Волданович радушно улыбался, окидывая последним

взглядом подвал и проговорил:

– Пора бы нам и честь знать.

Иоанн вызвался проводить гостей до ворот. Кирилл тоже было сунулся уйти, но бабушка задержал его для личной беседы с глазу на глаз. Чтоб поговорить о будущей службе и о взглядах на мир вообще. Диакон удалился в дом.

Пушистые туи вдоль каменной дорожки монастыря уютно темнели в сумерках вечера – приятная зелень среди заиндевевших земель холодного апреля. Тёмные тучи плыли медленно, низко и будто гудели от тяжести. Почва вновь поддалась ночному морозу и уже поскрипывала под ногами от инея. Поддувал ветер. Огромный каштан у боковых ворот зловеще трещал при каждом новом порыве. Когда-то, когда он был ещё зелёным и упругим, под его тенью гуляли монахи, а шаловливые поварята подбирали в траве колючие плоды. Теперь дерево скоротало свой век – каштан погиб старым раскидистым великаном и скрипел в ожидании топора. Он высох весь, за исключением одной широкой ветки, что ещё разрождалась редкими листьями. Отец давно просил спилить каштан, а Сашка все пытался втиснуть его в плотную череду весенних домашних работ.

Холод быстро пробирал, Регина поежилась. Они с Сашкой чуть отстали от прочих. Она окинула взглядом каштан:

– У вашего дерева есть особая красота, – она задумчиво наклонила голову. – Оно обаятельно, словно старик, который ещё не утратил жажды жизни.

– Очень кстати ты напомнила, что каштан пора спилить.

– Нет-нет, – Регина взяла Сашку под руку, – я хочу нарисовать его. Такая тяга к существованию, такая отвага не должны пропасть. Я постараюсь отобразить на холсте контраст меж сухим потрескавшимся стволом и последней живой веткой. Это символ бесстрашия и надежды!

Сашка пожал плечами:

– Все равно из каштана уже не выйдет ничего путного, он готов.

Он прекрасен в своём стремлении.

– Крайне сомнительное представление о красоте, – усмехнулся Сашка.

– Сейчас не важно, что ты об этом думаешь, главное, не приближался к каштану, пока я не нарисую его.

– Тогда приносит краски завтра.

– Саша! – Регина устало закатила глаза, – Нужно подождать, пока не распустятся листья, иначе это просто сухая коряга.

– Его истинная ипостась.

– Ты зловредный...

Сашка зашепел:

– Сделаю все, что ты хочешь!

Покуда добрались до ворот, все продрогли, поэтому Волдановичи быстро попрощались и направились к дому. Иоанн проводил их взглядом, пока Сашка запирает висячий замок боковых ворот.

– Это ужасное дерево пугает прихожан, – Иоанн заложил руки за спину и смотрел на каштан со странным прищуром, – Как давно я прошу тебя избавиться от него, Александр? С прошлого лета. А ты не чешешься.

– Не переживай, отец, скоро ему крышка.

Под размашистый шаг Иоанна, они скоро вернулись к крыльцу. Уже на ступенях к дому отец настороженно остановился:

– Ты слышишь? – он поднял вверх палец, Сашка навострился, – Прислушался. Стоны и треск, похожий на рычание ... Будто умирающая птица бьётся в лапах хищника, – дерево трещало на ветру. – Это каштан, он молит о пощаде. Он просит топора.

– Ох, отец, нельзя ли обойтись без драмы?

Кирилл вернулся в дом раньше остальных. Он снял со стены икону Божьей Матери и принялся долго, пристально её рассматривать. Лица убирала со стола в это время. Она старалась двигаться бесшумно, чтоб не привлечь внимание диакона, потому что сама украдкой поглядывала на него. Лица силилась разгадать, что же в Кирилле такого, что мгновенно делает его отвратным. Ответ не являлся. Она осторожно осмотрела его худощавую фигуру, волосы, забранные в тугий хвост, который спускался ниже плеч и вился на концах. Невзначай, она бросала взгляды и на его лицо. На нем виделся интерес -диакон был полностью поглощен иконой. Он

медленно водил взглядом по полотну, часто и подолгу останавливался на какой-нибудь детали, порой водил по тяжёлой рамке кончиками пальцев. Что же было в нем? Лица не могла разуметь. Лицо грызуна? Выражение? Жиденские усы? Усики явно ни к месту. Нет, не отдельная деталь создавала впечатление, а весь диакон целиком, он испускал энергию гидры или рептилии – гибкий, вкрадчивый, всего за один вечер влюбил в себя Иоанна. Лица мотнула головой, чтоб отогнать глупые мысли. В сущности, она ничего не знала об этом человеке, так что выводы исходили из пустых предубеждений. Ей стало совестно, что судит о Кирилле несправедливо. Она тихонько подошла и через его плечо тоже взглянула на полотно.

– Неопалимая купина, старинная вещь.

Кирилл вздрогнул. Икона выскользнула у него из рук и ударилась об пол. Тотчас с сухим треском лопнула рамка – белая расщелина расплзлась от угла к середине, порвав замысловатый узор багета. Диакон охнул и застыл.

– Прости, не хотела тебя пугать, думала, ты слышишь, что я иду, – Лица поспешила поднять икону. – Её можно заклеймить, – без тени уверенности сказала она, глядя на волокнистую трещину. – Главное, стянуть покрепче, тогда ни следа не останется.

Они стали разглядывать рамку. Казалось, Кирилл вообще не дышал. Он побледнел, застыл, в Лице шевельнулась жалость.

– Всё обойдется, мы отыщем новый багет, даже лучше прежнего. В подвале у нас таких навалом.

– Батюшка мне не простит, – севшим голосом пробормотал Кирилл. На миг Лика испугалась, что он разрыдается.

– Нет, ну что ты! Отец мягкий человек и ты ему нравишься. К тому же – это всего лишь рамка, сама икона цела.

– О, икона бесподобна, – Кирилл благоговейно провел по ней пальцами, – Работа кропотливая и тонкая, а само полотно узора будто тканное, хоть и написано кистью. Как старательно прорисованы лица святых. Неопалимая купина...

Диакон с любовью глядел на икону. Его лицо приобрело мечтательное выражение, он легонько улыбался своим мыслям. Лика подумала, что может он не такой уж противный, каким показался ей в начале вечера. Позади скрипнула дверь, вошёл Иоанн.

– Бога ради, Анжелика, что ты натворила с иконой!?! – батюшка остолбенел, завидев щепки.

– Это лишь рамка, полотно не пострадало, – Лика поглядел на диакона, тот, ни жив ни мёртв, застыл рядом.

– Ну что за растяпа! – отец принялся охать, как старая монахиня, – И зачем тебя понесло взять икону в руки? Меня не было четверть часа, а дома уже разбой и разрушения. Кирилл, скажи на милость, как такое вышло?

Взгляды устремились к диакону, Лика тоже, не мигая, уставилась на него.

– Юные барышни так ветрены, – выдавил он, подняв за-

травленный взгляд на Иоанна. Батюшка оживился.

– Вот это верно. Молодёжь прытка и беспечна, они не понимают прекрасное, если то не кричит о себе в голос. Что ж, – отец сделал шаг вперёд, чтоб рассмотреть раскол, – Будь добр, Кирилл, завтра же подбери ей новый багет. В хранилище, где мы только что были множество достойных рам.

– Непременно, отец Иоанн, – Кирилл потянулся за иконой.

– Ну нет, – Лика выдрала полотно из его рук, – Я сама!

И тут же унесла икону к себе в келью, смерив диакона, как последнего подлеца, вызывающе-открытым взглядом.

2

Андрей всегда спал чутко, любой шорох проникал под нежную пелену сна – Богдан отлично знал это, и тем не менее, вскочил в немыслимую рань, чтоб тыкаться в компьютер. После нескольких бесплодных попыток уснуть, Андрей высунулся из-под подушки.

– Что ты делаешь там?

Богдан смиренно сложил руки на коленях и одарил брата каким-то жалобным взглядом.

– Иди сюда и посмотри, – сказал Богдан странно приглушенным голосом, – Что ты думаешь об этом?

– Андрей вылез из постели. Не спеша и тщательно он протер стекла очков, прошлепал босиком к столу и уставился в монитор, нависая у Богдана за спиной. Шел некий малоинтересный репортаж об отшельниках в миру – кажется, тот, вчерашний, что так поразил Богдана – на экране появилась женщина, она и говорить-то не хотела, все пыталась улизнуть от репортера, но ее держали в поле зрения камеры.

– Хочешь быть отшельником, Богдан? Я это знаю.

– Не отвлекайся.

Унылый репортаж тянулся и тянулся, Андрей не преминул утомленно цокнуть языком. Брат не удостоил это вниманием. Наконец новости подошли к концу и в довершении женщину показали крупным планом. Богдан остановил кар-

тинку на этом месте. Андрея даже слегка передернуло, как от удара током! Несколько секунд он просто таращился на нее, наконец, совладав с удивлением, проговорил:

– Ты знаешь ее?

– Тут говориться, что она травница, живет в лесу и делает чучела зверей на продажу, – голос был глуховат, Богдан говорил, будто через силу.

– В нашем лесу, за рекой, живет травница – это она?

– Думаю, да. Тут показаны местные новости.

– Никто не ходит в тот лес, он глухой и дремучий. Там полно зверья, там болота, там она... Богдан, – Андрей взглянул на брата, – Ты считаешь, она может быть... Это она?

– Не знаю, Андрей. А ты думаешь, это совпадение?

Андрей еще раз посмотрел на застывшее изображение женщины и медленно пожал плечами.

– Нужен сторонний взгляд.

В комнате девочек стоял мягкий полумрак – утренние лучи с неохотой приникали в северные окна, – Андрей на цыпочках прокрался к Марине и потряс ее за плечо. Нелегко пробиться сквозь предутренний сон беспечного человека, но Андрей был настойчив.

– Рехнулся? Еще совсем темно, – пробормотала Марина.

– Все равно вставай, у Богдана там кое-что есть.

Марина нехотя выбралась из кровати. Мелкие кудри торчали во все стороны, а лицо еще было мятым от постели, но она медленно проследовала за Андреем в комнату мальчи-

ков. Богдан так и сидел, ссутулившись, сложив руки на коленях. Увидев сестру, он тут же спросил:

– Ты знаешь что-нибудь о травнице, что живет в лесу за рекой?

– Немного слышала, – Марина потерла глаза, – Одна девочка из класса говорила, что ее бабушка любит покупать травяные настои и смеси у нее. А однажды они попили такого чаю и папа девочки слег с острой резью. Пошли слухи, будто травница готовит зелья, общается с потусторонним миром и чтит нечистого... – Марина осеклась, потому что, Андрей подавал ей какие-то знаки. Она нахмурилась, – А что?

– Да вот, – Богдан повернул к ней экран и включил репортаж, – Сама посмотри.

Снова потянулась тоскливая болтовня, Марина в недоумении посмотрела на мальчишек, но у тех был озабоченный вид, так что и она решила сосредоточиться на просмотре.

– Кажется, та самая травница, – подтвердила Марина. Богдан снова остановил изображение на крупном плане женщины и Марина охнула, – Вообще-то никто в нашем классе не относится серьезно к этой девочке, всем известно, что она любит приврать – такого навывдумывает, только держись! – Марина поглядела на Богдана, он казался потерянным, поникшим. – Нет, Богдан, не думаю...

– Мы должны пойти в лес, – заявил Андрей, – Сегодня же пойдем и все узнаем. Думаю, мы сможем найти избушку

травницы в лесу, если она продает чай, то к ней должна вести тропинка.

– И в репортаже описано место, где она живет, – добавила Марина.

Богдан рассеянно пожал плечами.

– Ну же, Богдан, – настаивал Андрей, – лучше сразу выяснить как есть, чем мучится в раздумьях. Я же знаю, тебя не отпустит эта травница, ты станешь размышлять и день и ночь – вон, сегодня вскочил до рассвета.

– Именно, раз ты поднял нас в такую рань, то хотя бы прислушайся. – добавила Марина.

– Верно, стоит идти, – Богдан в нервах вскочил со стула, – Я все равно пойду туда рано или поздно, так лучше сразу, чтоб не успело наболеть. Идемте, немедленно!

– Нет, – Марина настойчиво качнула головой, мальчишки уставились на нее в недоумении. Она пояснила: – После завтрака.

Разумно. Андрей снова забрался в постель, погреться под одеялом. Настала благословенная тишина. Андрей прикрыл глаза в надежде еще хоть немного побаловать себя негой легкой дремы и, уже ускользя в теплый мир морфея вдруг дернулся, как от пощечины. Похороны! Резкое воспоминание пронзило тело разрядом тока, в горле встал ком. Нужно дать отцу ответ сегодня. Ведь завтра уже ехать. Точнее, сделать все, что угодно, чтобы не ехать. Вчера во время ужина с Волдановичами Андрей видел, какие взгляды посылал ему отец

– долгие, испытующие, властные. Почему бы не съездить – это лишь похороны? Мертвого человека закопают под землю. Больного, буйно-сумасшедшего, что отдал богу душу и из гроба распалает скверну своего душевного расстройства на оставшихся в живых. Влажная, заразная могила съест его да и дело с концом... Пока что он далеко, а во время похорон окажется рядом, Андрей увидит его лицо и по гроб жизни оно будет стоять перед ним, будто выжженное на сетчатке. Кровь почует родственную близость, вопьет в себя безумие, покинувшее мертвеца, и никакая груда земли не сможет отделить их с дядюшкой друг от друг отныне и во веки веков. Андрей знал, что если он очутится вблизи покойника, присущая ему болезненная чувствительность не позволит расстаться с призраком дяди, впредь, он будет следовать за Андреем, подобно тени или даже проникнет внутрь уродливым сиамским близнецом. Раз так, он готов простить, готов расцеловать землю, где ступал покойный, готов возносить ежедневные молитвы за упокой его души, но не ехать к нему, не видеть этого человека близ себя. Пусть он достаточно пролежит в земле, чтоб дух его уже не смог пробиться через крышку гроба. Такую чертовщину отцу не расскажешь.

– Я не хочу ехать, Богдан, – жалобно простонал Андрей, – Я его не видел, я его не знаю, а пока не знаю, его как будто нет.

– А я не хочу идти в лес.

– Выключи это, – посоветовал Андрей. Богдан повиновал-

ся, выключил компьютер, чтоб на него больше не глазела травница своими бледными, бесцветными глазами.

Снова стояло ненастье. Пронырливый ледяной ветер хлестал по щекам вереницами колких снежинок. На рыхлой грязи дорог снег тут же таял, добавляя воды, но вот по полям он мок и колко блестел, как отсыревшая соль или стелился мятым, затасканным резкими ветрами, ковром в ожидании лучей запоздалого, безразличного к этому апрелю солнца. Кто-то топил печь. В воздух проник терпкий дымок – вместе с влажной землёй и стужей пахло почти осенью. У восточной части города тихая река встречались с весенним лесным ручьем и давала излучину. Старинная улица на окраине кончалась крепким домиком за долго до ее берега и лишь невзрачная тропинка вилась дальше сквозь луг к мосту. Это был путь на тот берег для редких охотников или любителей мрачных прогулок вроде старика Лодочника. Ведь по ту сторону реки был дремучий лес. Лес глухой, заросший, непролазный – ломтик необузданной природы с ядовитыми травами, душистым кустарником, ветвистой колючей порослью, старинными соснами, хищными птицами, кабанами, пушистыми рысями, шумными толстыми глухарями, пугливыми зайцами, медведями и травницей. Никто не ходил туда просто так. Вековой узловатый дуб рос аккурат у края луга и считался границей городка на востоке. Ребята гуськом проскользнули под его широкими ветвями, направляясь к реке.

Богдан огляделся – кое-где стала пробиваться зелень, но в большинстве своем мерзлая земля только начала отходить и пока щедро разрождалась лишь грязью. На ум приходили болота, цапли, кочки и брусника. Вдалеке заунывно прокричала иволга.

– Нам повезло, что нынче весна настала поздно, – заявил Андрей, разъезжаясь на грязи.

– Почему же? – вздохнул Богдан.

– Сам посуди, лесной ручей несет талые воды к реке лишь весной, а к лету пересыхает. Его русло зарастает травой так густо, что не найти. Сейчас он еще не высох, значит, мы сможем идти вдоль него сколько потребуется.

– А главное, не заблудимся, – добавила Марина. Она собрала непослушные кудряшки под заколку, но некоторые пряди уже выскочили и вились вдоль лица. Девочка раскраснелась от ходьбы и расстегнул куртку. – Поверить не могу, что мы идем к травнице, – дома затея с походом в лес казалась очевидной и простой, но теперь, видя впереди густые черные поросли у Марины поубавилось прыти, – Мы будем там одни на ее территории, она может нас заколдовать. Навести порчу, проклясть, сглазить, одурманить, отравить – она это прорву раз делала! Да что там, она делает это каждый день, она дышит этим, иначе ведьме не жизнь.

– Она – не ведьма, – позволил себе вкрадчивое замечание Богдан, – а лишь травница. И не колдует.

– Прости, я вдруг забыла, что мы считаем ее твоей мамой.

– Не считаем пока!

– Марина просто трусит, – пояснил Андрей.

– И ничего такого в этом нет, раз мы решили сунуться в гиблое место. Страх предостережет нас от глупых поступков.

– Тебе не обязательно идти, – сказал Богдан, – останься, подожди нас дома.

– Всенепременно.

– Оставим этот разговор, Марина, а то я опасаясь, что Богдан сам передумает, – взглянул на брата Андрей.

Богдан пожал плечами:

– Пожалуй, можно сходить и взглянуть что к чему сейчас, чем упрекать себя за нерешительность когда ручей пересохнет.

Ребята миновали скрипучий мост и шагнули на тропу в глухомань. Никто не проронил ни слова, лишь журчала вода и вскрикивали птицы. Прошлогодня листва, разомлевшая от талого снега, податливо впитывала каждый шаг, она облизывала, зачмокивала, засасывала, ногу, вливая холодную струйку в ботинок и нехотя, но звучно отпускала обратно.

– Нас засосет топь, – проямлила Марина, и уже встревожено, – Может задрать медведь!

Она оглянулась на Андрея, тот кивнул в ответ:

– В это время они злые, потому что только проснулись и хотят есть. Вообще медведи питаются ягодами и кореньями, по осени рыбой, но весной, – Андрей поджал губы и покачал головой, – весной, для настроения, медведю нужно сожрать

мяса, лучше путника, а еще лучше, близ ручья, чтоб сразу умыться.

Марина едко улыбнулась:

– Твое дурное чувство юмора поднимает настроение.

По правде сказать, безлистный лес не казался таким уж жутким. Голые деревья пропускали много света, а ручеек звенел мягко и беззаботно. Ребята снова погрузились в молчание. Идти было неудобно, всюду валялись скользкие ветки, а торчащие коряги норовили хватануть за штаны. Студенистая грязь подрагивала от каждого шага.

– Левее от ручья и справа от рощи – так говорилось в репортаже... – спустя какое-то время сказал Андрей, – Я не знаю, Богдан, мы же в лесу – тут всюду роща.

– Взгляните, – Богдан остановился и указал вглубь леса.

Среди деревьев возникла плотная серо-серебристая гордыба ивняка и хлесткой вербы. Заросли начинались совсем рядом и тянулись на весь видимый скупой простор дремучего леса.

– Ну что? – ребята переглянулись, – Обойдем рощу со всех сторон. Только держимся вместе, – предложил Андрей. Они двинулись без лишних слов. Странная тишина сковала воздух, она будто задушила пространство, обвила мягкими лапами деревья вокруг себя, укутала плотном землю и застыла в дремучем лесу. Марина знала, прекрасно знала, откуда берется столь неестественная тишь; о, любой простак знает такие вещи. Что-то дробью застучало над головой, Ма-

рина вздрогнула, но это был лишь дятел. Богдан шел быстро и, по топи, девочка едва поспевала за ним. Заросли вились замысловатым узором, вплетаясь все глубже в лес, так что вскоре ребята были уже далеко от ручья.

– Вы слышали? – Марина вдруг остановилась, звук повторился, знакомый и пугающий, – как будто лязгнула цепь? Это там! – они двинулась дальше и вскоре – вот оно – среди деревьев показался дом. Это была крепенькая, но старая хижина с торчащей паклей и крышей, поросшей мхом. Рядом ютилось крошечное подворье – дощатый сарай, приземистые строения чуть поодаль и будка для резвого цепного пса с серым хвостом-колечком. Собака вела себя беспокойно, туда-сюда перебегая на цепи. За сеткой гуляли куры.

– Это оно, логово ведьмы? – прошептала Марина.

– Похоже на место из репортажа.

– Ребят, – Богдан повернулся к остальным, – давайте не говорить: ведьма, логово и подобное тому.

– Прости.

– Тише! – Андрей потянул брата за рукав, чтоб спрятаться за деревом. Из-за курятника показалась фигура и направилась в сторону дома. Ребята, не дыша, наблюдали за женщиной – на вид ей было лет пятьдесят или больше. Она шла, плавно и низко пронося стопы над землей, словно боялась потерять почву под ногами, но смотрела не вниз, а четко вперед. Ее походка напоминала челнок на волнах, неторопливый, но устремленный. Из-под старенькой серой косынки

выглядывали темные волосы. Женщина была одета в высокие сапоги и куртку из плотной ткани, грубые штаны неаккуратно заштопаны кое-где, вся одежда заляпана, на животе виднелись и вовсе подозрительные пятна. Женщина несла что-то в руках, что-то живое. Буро-рыжий комочек...

– Это кошка, – шепнула Марина.

Травница отворила дверь длинного сарая и скрылась внутри.

– За ней! – скомандовал Андрей и все на цыпочках поспешили к сараю. Богдан взглянул на собаку – пес заметил ребят и заерзал на цепи – их взгляды встретились, но зверь не рванулся с места, как ожидалось, а лишь продолжил недовольно махать хвостом. Сарай оказался старый – стены поросли лишайником, будто шкурой – и весь в дырах, так что легко было заглянуть внутрь. Ребята припали к длинной щели. Внутри княжил полумрак. Окно под самым потолком было забито паутиной и пылью, оно не давало света, только благодаря открытой двери ребята могли что-то рассмотреть. Меж тем женщина разложила зверька на длинный верстак и потянулась к полке. На стене сарая было полно разных снастей и приспособлений, что-то лежало, что-то висело на гвоздиках, а некоторые просто торчали из баночек. В основном то были резакі всякого размера и щипцы. Рука травницы гибкой лентой заскользила по инструментам, любовно и бережно ощупывая каждый из них. Снасти были ржавые и тяжелые. Видавщие виды стамески, узловатые тиски и кусачки, проржа-

вевшие пилы, тесаки и ножи, топорик в зазубринах, ножовки, наждаки – все старое и неухоженное. Женщина двигалась быстро и точно, так плавны, так умелы и ловки, но при этом на удивление несвободны были ее действия, что напоминали обряд.

– Что она делает? – нахмурилась Марина, – Словно ласкает железки.

– Поглядите на инструмент! – шепнул Андрей, – Сколько там ножей и ковырялочек разных.

– Обыкновенные инструменты, у Сашки полно таких, – буркнул Богдан.

– И все они в застарелых бурых пятнах? – уточнил Андрей, глядя на полет худой кисти над полкой. Как вдруг пальцы женщины сомкнулись на ржавом тесаке. Резкий взмах, удар и голова зверька отделилась от тела.

– Ох! – Марина дернулась от щели и прижала ладони к лицу. Звук насторожил травницу, она медленно повела головой в сторону дырявой стены и замерла, прислушиваясь. На миг все перестали дышать. Потянулись долгие секунды... В темноте не было видно глаз женщины, но Богдан и так знал что они без цвета. Ее бескровное лицо почти светилось бледностью среди полумрака. Наконец травница отвернулась, ее пальцы легкими движениями захлопотали над мертвым зверьком. Очень быстро, не теряя времени, она подхватила его и подвесила за задние лапки. Густые струйки прерывисто заколотили в жестяной таз. Женщина снова за-

пустила пальцы в мех и они проворно забегали по шерстке. Вот она что-то нащупала, вцепилась и рванула шкурку вниз, оставив на крючке лишь голую плоть.

Стремглав ребята бросились прочь от логова травницы, раздражив цепного пса, который залился истошным, клочущим лаем. Мимо петляющей рощи, вдоль звонкого ручья, – а за спиной еще слышно, как тесак рассекает воздух, – скользя по мокрой земле, брызгая на спину каплями жирной грязи, ребята рвались вперед, выплевывая легкие. Сердце задышалось и бухало где-то в горле, но это не важно, лишь бы скорее убраться из леса. Скрипели и ломались под ногами ветки, хлюпала земля. Наконец река; торопливые шаги вереницей гулких перестуков пролетели по мосту. Миновали луг и остановились отдышаться, держась за бока, под защитой старого дуба. Богдан оперся спиной на мощный ствол и отвернулся.

– Мы удрали, спаслись!?! Не верится, ведь я слышала, как она гонится за нами! – едва дыша, Марина вцепилась в ребристую кору.

– То были мои шаги, – задыхаясь, выпалил Андрей.

– Вы видели!?! – Марина с трудом выговаривала слова сквозь отдышку, – Вы это видели? Вся одежда в крови!

– А как она двигалась и щупала свои снасти? Наверняка ритуал. И инструменты какие-то опасные – все проржавевшие. Давнишние и вековые, надо полагать.

– Ведьма! Она освежевала кошку. Какие еще нужны до-

казательства? Богдан, твоя мама ведьма!

– Мы искали доказательства не этого! – оборвал Богдан. Марина уставилась на него с удивлением. – Вы что, не видели откуда она шла? – раздраженно продолжал брат, – она шла из курятника – куницы воруют кур. Так что это была куница, а не кошка, и эта женщина не ведьма – она делает чучела. И она не моя мама! – Богдан развернулся и быстро пошел прочь.

– Постой, – крикнул Андрей, – мы должны обсудить все увиденное, – но брат лишь прибавил шаг.

Ребята немного постояли в тишине, глядя ему в след. Потом Марина проговорила:

– Как можно собирать травы теми же руками, что и убивать кошку!

За окном дождь вперемишку со снегом шел уже не один час. Тоска. Марина плюхнулась на кровать рядом с Андреем.

– А ты-то что такой угрюмый?

Андрей не ответил, он ушел глубоко в свои мысли, грызя ноготь и пялился в одну точку. Вот-вот отец явится за ответом. Он не рассказывал Марине про панихиду, не то чтобы скрывал, только даже думать о дядюшке было тяжело, а уж говорить – так совсем мрак. Он понимал, что Марине скучно, а значит она начнет приставать, Андрей уже прикидывал, куда бы ему скрыться, как дверь в комнату отворилась и вошел Богдан:

– Ну хорошо, мы должны обсудить увиденное в лесу, – хмурый и напряженный, он сел на самый краешек стула у окна. От него пахло дождем, улицей и влажной свежестью запоздалой весны. – Вы правда думаете, что эта женщина... Что она моя... Что это она?

Андрей тяжело вздохнул, помолчал немного и осторожно ответил:

– Что-то определенное пока говорить рано, но цвет глаз... Богдан, ты сам когда-нибудь видел еще кого-то с такими же глазами? Нет. Это не просто редкая патология или необычная игра природы – такого не бывает. – Богдан опустил голову, чтоб спрятать взгляд, – Я, например, никогда не слышал о людях без цвета глаз. И то, что в одном маленьком городке есть двое с такой удивительной особенностью просто невероятно. Это заставляет задуматься. Никто так и не ответил на вопрос, почему твои глаза такие, как есть. Что если это от родителей?

– К тому же вспомни, – подала голос Марина, – отец говорил, что про твоих настоящих родителей неизвестно вообще ничего, даже их имён. Они могут быть кем угодно.

Она села рядом с Богданом и натянула рукава водолазки до кончиков пальцев, словно руки озябли.

– Да еще собака, – вкрадчиво добавила она.

– А что собака?

– Собака нас не облаяла.

– И что с того?

– Животные очень чувствительны и легко определяют опасность, особенно, если видят чужака. Тот пес неспроста на цепи сидит, значит кусачий, он должен защищать территорию. Но на нас не бросился. Думаю, он увидел твой взгляд, учуял тебя, твой естественный, неведомый нам запах и узнал его. Пес принял тебя за своего, поэтому и не подал голос.

– Это, знаешь ли, – Богдан вдруг разволновался, – Это до того нелепо, что невозможно принять в серьез! Нельзя основываться на собачьем нюхе. Может пес просто плохой охранник, слишком любопытный, дружелюбней или просто бездельник.

– Кто ж дружелюбного посадит на цепь? В лесу нужен злобный и сварливый охранник.

– Пес – не доказательство!

– Когда ищут заблудившихся в лесу людей, берут собак, потому что нет вернее помощника, чем собака. Под завалами или в горах, или даже под снегом собаки отыскивают пропавших, тогда мы им доверяем, вот тогда пес – лучшее доказательство. А сейчас ты лишь хочешь оболгать очевидное.

– Марина, помолчи.

– Вы похожи, – выпалил Андрей. – Я не хотел говорить это так прямо, но, мне показалось, что вы с м... С Травницей похожи. Оба бескровно бледные, а волосы черные. Она живет на отшибе в лесу, и тебя с малых лет тянуло к одиночеству.

– И она такая странная, – добавила Марина, – Видели, как

она ходит и водит руками над предметами? Ты тоже странный, Богдан. Конечно, не такой, как она, и мы привыкли к твоим чудачествам, но все же! Ты болтаешь сам с собой и околачиваешься по улицам один-одинешенек, часто тебя вообще не сыскать – забьешься куда-нибудь в угол, словно прячешься. – Марина потербила нитку на рукаве и исподтишка глянула на брата, – Мы же говорим начистоту, Богдан – все выглядит более чем странно.

Богдан опустил взгляд и тихо заговорил:

– В новостях сказали, что Травница не всегда жила в лесу. Прежде она жила в городе, но со временем решила перебраться в более укромное место. Она по возможности оборвала связи с внешним миром и живет своим хозяйством, собирает травы и делает чучела. Наверное, и из куницы делает.

– Без головы, едва ли, – поморщился Андрей, – Может голову прибьет на стену, как трофей.

– А шкурку пустит на воротник или шапку, – подхватила Марина.

Андрей в сомнении покачал головой:

– Да разве из такой-то шкуры выйдет хороший воротник, если по весне звери во всю линяют.

– Боже мой, вдруг съест!

– То есть?

– А что если Травница заберет мясо себе, чтоб потом приготовить.

– Да ни в жизни.

– Ну ведь зачем-то она содрала с куницы кожу, если не на чучело и не на воротник, остается лишь это.

Андрей сглотнул ком:

– Закроем тему.

– Может, она ушла в лес после меня? – тихо продолжал Богдан, не замечая побочных разговоров, – Я все думал о себе, но для нее мое рождение тоже не могло пройти бесследно.

– Послушай, – у Андрея за стеклами очков блеснули глаза, – Я родился далеко отсюда, отец говорил, что специально увез меня подальше от сплетен и пересудов. А может и ты не здешний? Тогда Травница не может быть твоей мамой.

– Если только не искала тебя специально, – добавила Марина.

– А потом вдруг засела в лесу?

– Я думал об этом, – тихо ответил Богдан, – Но пойти расспросить отца... – он покачал головой, – я не могу пока этого сделать. Не хочу, чтоб он знал, ну и боязно.

– Ну а если он скажет – нет, ты не местный, твоя родина далеко и для спокойствия лучше не знать где именно.

– А если он скажет да?

Андрей умолк.

3

Просторная гостиная Волдановичей была обставлена по всем требованиям взыскательного аристократического вкуса и выдержана в томных бежевых тонах. На пухлом ворсистом ковре лежали доберманы – Прыткий и Любляна. Два гладких мускульных жгута. Они лежали посреди гостиной и вяло водили ушами. Сашка невзначай поглядывал на собак через плечо. Доберманы были безупречно воспитаны, понимали хозяев с полувзгляда, они ни за что бы не цапнули гостя за штаны и ни в жизни не подняли бы шума, однако Сашка смотрел на них с опаской. Он любил животных, но эти псы, как нечто противоестественное, не казались ему гармоничной частью природы. Они не просто хищники, не просто друзья, скорее оружие – два до блеска начищенных ружья. Регина обожала доберманов. Один из псов от души зевнул, растянув узкую пасть так, что обножилось розово-черное небо. Сашка отвернулся. Комнату украшал блестящий рояль, на котором никто из Волдановичей не умел играть. Он стоял здесь ещё со времен бабки, впрочем, она тоже не владел инструментом. Рояль, как вымпел достатка, подавался для гостей. И именно для них же его тщательно, до зеркального блеска, натирали полиролью и тряпицей особого состава, что была мягче пуха на ошупь. Исправно, дважды в год, приглашали настройщика. Хоть инструмент звучал в этих стенах

крайне редко, но выставлять его напоказ необходимо в лучшей форме.

– В моей музыкальной шкатулке замечательная мелодия, нана- на... – Регина напела, как смогла.

– Это Моцарт.

– Почему мы не учим его? Эту музыку я легко запомню.

Сашка чуть поморщился:

– Я думаю, Моцарт для тебя... – он поискал слово, – тебе нужно что-то серьезней.

Регина чуть опешила:

– Невероятно!

– Композиция, что у тебя в музыкальной шкатулке слишком проста, – поспешил оправдаться Сашка, – Она легко запоминается, наигрывается тоже легко, но нет глубины. Тебе нужно нечто проникновенное, Регина, а в ней недостаточно оттенков.

– Какой же ты самонадеянный.

– Не заговаривай мне зубы.

Она повернулась к клавишам и в который раз простучала пальцами по черно-белой ленте рояля.

– Чуть мягче, Регина, Шопен любит нежность, – Сашка наиграл короткую последовательность нот, которую Регина силилась повторить.

– Порой мне кажется, ты приходишь ко мне только из-за рояля.

– Ну, раз уж ты догадалась, не стану опираться.

Сашка надеялся, Регина улыбнется, но она, кажется, вовсе не услышала его замечание. Она вновь проковыляла пальцами по клавишам, Сашка накрыл её ладонь своей рукой и повторил те же ноты:

– Ты можешь прикасаться легче, я же знаю, – он погладил клавиши кончиками её пальцев, рояль отозвался легким переливом мелодии.

– Капризный инструмент! – фыркнула Регина

– Прямо, как ты.

Регина сбилась и начала заново. Среди бесконечной вереницы черно-белых клавиш она никак не могла найти ноту до.

– Если б ты потрудились запомнить, что между си и до плутон, – Сашка провел пальцем по промежутку у двух белых клавиш, – у нас бы больше не возникло таких вопросов.

– Саш, ты слишком высокого мнения о моих способностях к музыке. – Регина положила голову ему на плечо и взяла в руки ноты, – Неужели, ты понимаешь, что тут написано?

– Это даже проще, чем азбука – вот твою любимая до, – Сашка указал на тёмную капельку внизу строки.

– Я устала, это так утомительно! Поиграй мне, я хочу только слушать, а не учиться.

Сашка и не ждал особой самоотдачи. Когда Регина попросила научить ее чему-нибудь на рояле, еще по беспечной интонации голоса, по рассеянным ноткам просьбы становилось ясно, что это не серьезно. Она соблаговолила бы позволить роялю петь под ее пальцами, но вникать, учиться, напрягать

память и десятки раз пробегать по одним и тем же клавишам, чтоб оттачивать навык было бы через чур. Сашка поставил ноги на педали и заиграл грустную прелюдию. Мелодия заструилась по бежевым стенам гостиной. Её переливы проникали в потайные уголки большого дома, тут же взлетали к потолку и легким послевкусием таяли в воздухе, как печальные слезы маэстро. – Нам пора к Леопольду, – тихо проговорил Сашка, стараясь не перебить звучание нот.

– Ещё минуточку.

Сашка свернул с асфальта на грунтовую дорогу и спрыгнул с мотоцикла.

– Держись крепче! Тут пешком дотащу, а то увязнем, – крикнул он Регине, толкая мотоцикл по мягкой грязи.

Дед Леопольд жил в коренастом домишке в начале поросшей липами улицы. Перед домом рос расхристаный куст жёлтой акации, занимая собой почти всю лужайку. Он был так уродлив, что привлекал к себе внимание любого, кто появлялся на улице впервые. Остистые ветви акации торчали ежом, а самые толстые и долгорукие валились к земле под собственной тяжестью. Ветер теребил редкие гроздья прошлогодних сухих стручков, звякая ими о древо. Сей звук олицетворял уныние и досаду. Леопольд стоял за этот кустик горой. Ершился при любом намёке выкорчевать его, кричал и защищал акацию с пеной у рта. Такое поведение деда ка-

залось Сашке крайне странным, учитывая его пристрастие к ботанике и цветоводству. Но, наверное, это семейное. Было в крови Волдановичей что-то, порождающее тягу к безобразным растениям – стоит только вспомнить Регину и каштан.

Строго говоря, Леопольд бел не дед, а прадед Регины, Сашка ходил к нему вот уже несколько месяцев с того дня, как последняя сиделка сбежала, не выдержав и недели. Да, дед Леопольд – это сварливый, несносный старикашка, с острым, непристойным языком и дурными манерами, многократно увеличенными старостью. С давних пор дед был привязан к инвалидному креслу, но жил один, старательно отвадив от себя многочисленных родственников и умело спугивая помощь. К девяносто трем годам он извел множество медсестер, а в службе социальной помощи о нем ходила весьма дурная слава, но лета брали свое. Дед дряхлел. Теперь немощь овладела его трясущимися руками, пальца перестали слушаться, спина заостенела и трещала при малейшем движении, да и больше не осталось сил вытаскиваться из инвалидного кресла при всякой нужде. Но дед не шел на мировую! Напротив, ощущение собственной зависимости только распаляло злобный норев Леопольда. Марк Волданович измаялся со стариком, тогда Сашка предложил свою помощь. Нет, нельзя сказать что дед полюбил Сашу, или они сжились, пригрелись друг к другу, или, что Сашка Чижов нашел особый подход к взбалмошному старикану, чем-то очаровал дедка. Просто он легко переносил бессмысленную брань и

беспочвенные пустые оскорбления. Идиотские выходки Леопольда не достигали цели. Он едко шутил и сам смеялся, поддевал, пакостничал, дерзил, нахально подтрунивал, но от Сашки все отскакивало. Дед старый, что с него взять.

– Прибыл бес на хворостине, и пигалица с ним! – Леопольд был уже на крыльце. Состроив мину, он развернулся на своем кресле и укатил вглубь сада.

– Не знаю, Саш, – протянула Регина, слезая с мотоцикла, – зря я, наверное, пришла. Мы все только раздражаем его. Каролину в прошлой раз он прогнал шваброй!

– Да брось, – Сашка обнял Регину за плечи. – Раз уж дед на крыльце, значит ждал нас. Тоскливо одному коротать старость.

– Другое дело, когда есть над кем поизмываться.

– Именно, – он отворил калитку и пропустил Регину вперед, – В это время дня дед торчит в теплицах.

Сашка с Региной обогнули дом и перед ними предстали две длинные, острокрышие, сверкающие стеклом, душные теплицы.

– Прабабка Зинаида любила цветы, – сказала Регина. – После ее смерти дед сам стал ухаживать за садом. Это... – Регина поджала губы в поисках слов, – это удивительно, потому что очень на него не похоже! Продолжать дело жены, с которой жил как кошка с собакой – совсем не про моего деда.

Леопольд торчал в теплице и даже не обернулся, когда

Сашка с Региной вошли. Старик ковырялся в дощатой кадке, брюзжа себе под нос. Ссохшийся, тощий он выглядел таким маленьким в широком инвалидном кресле; в добавок, тонул в проетой молью душегрейке, что любил надевать поверх протертого свитера с неясным геометрическим узором. Леопольд всегда мерз. Может, поэтому ему и нравилось возиться в теплицах. Нагретый влажный воздух пах землей и мхом. В ведерках, тазах, торфяных горшочках и подвесных кашпо зеленели ростки всевозможных сортов и подвидов растений.

– Дед, как называется этот цветок? – крикнул Сашка с другого конца теплицы. Дед мрачно покосился на него, словно раздумывая, стоит ли ответить, но все же пробурчал:

– Мезембриантимум. Известен также, как хрустальная ромашка. Мерзавец неприхотлив, но я ему не нравлюсь – взошел у меня лишь на третий год.

Тонкостволовые орхидеи пестрели в центре теплицы, тут же садовые бегонии приветливо распушили свои красные листья. Тюльпаны пробуждались ото сна. На земле под столом, в деревянном дырчатом ящике клубни-луковицы выжидали погоды.

– Сегодня надо рассадить карликовые розы, – дед указал на пустые кадки у двери, – придется натаскать добротной земли из бочки, так что наостри мне рогульку. Леопольд сунул Сашке в руки садовый инструмент похожий на маленькие вилы.

– Не переживай дед, я притащу земли.

– Навостри рогульку. Навостри...

– Ты же будешь полдня возиться!

– Земля заиндевела, зубами грызть ее прикажешь!

– Хорошо, я навостря твою рогульку, только не кипятись, – Сашка взял инструмент и вышел из теплицы.

– Какой маленький росток. А так и тянется к солнцу, хоть стебелек тонок и лепестки желтоваты, – улыбнулась Регина, приглядываясь к горшочку с круглолистными цветами.

– Который? – внучка указала на горшок. Леопольд выдернул цветок и бросил под колеса кресла.

– Какой ты безжалостный, дед! – вскрикнула Регина.

– Да что ты знаешь о жалости! – дед рванул коляску, чтоб отдалиться от нее. Некоторое время он обиженно тряс губами, потом кивнул на дверь, за которой скрылся Сашка.

– Вздумала замуж за Исусика?

– Не язви.

– Он не больно-то хорош собой или у тебя с глазами беда? – дед внимательно следил, куда может привести его подтрунивание.

– Вот я и не хотела говорить, чтоб ты не обсмеял.

Но дед все донимал:

– Рожка щербатая, да сплошь мосол.

Вернулся Сашка и протянул Леопольду рогульку. Тот удовлетворенно покатил к бочке. Регина покачала головой и тихо, чтоб дед не слышал, проговорила:

– Папа не любит рассказывать про аварию, где они разби-

лись, но именно после нее дед стал вовсе несносный. Он тогда сильно изранился и чуть не умер, остался инвалидом.

– Я слышал, Марк спас ему жизнь?

Регина кивнула:

– Оказал первую помощь. Папа сам только чудом спасся, почти не пострадал.

– А дед Всеволод?

– Дедушка погиб.

Сашка нахмурился:

– За рулем был...?

Регина скосила глаза в сторону бочки с плодородной землей.

– Трудно вам пришлось.

– Дед всегда был тяжелым человеком, но папа считает, что тогда он сильно побился головой и стал совсем неуправляем.

Сашка пожал плечами:

– Травмы влияют на людей.

– Вроде бы этот горшок слишком высоко, дед не достает, – Ренина указала полку.

Она шагнула к полке, но Сашка преградил путь.

– Он на своем месте!

– Почему мне нельзя посмотреть?

– Сдался он тебе.

Регина сцепила руки на груди и встала в позу:

– Саша, мне это не нравится – ты что-то скрываешь.

– Всего лишь наберись терпения, – Сашка взял ее за руку

и Регина смягчилась.

– И что тогда?

Сашка сдержанно улыбнулся:

– Об этом после.

Регина прищурилась, глаза заиграли светло-ореховыми искрами, губы тронула улыбка:

– Мой день рождения.

Сашка чуть заметно кивнул и замер на мгновение, что-то его насторожило.

– Куда делся дед?

Леопольда не было ни в теплицах, ни на улице. Саша с Региной заметили его уже на крыльце, дед старался бесшумно зайти в дом. Сашка направился к нему:

– Дед, опять ты улизнул.

– Могу я справиться нужду в одиночестве! – проскрипел он в ответ.

– Ты же знаешь, это может обернуться конфузом, – Сашка отворил перед дедом дверь и направил коляску внутрь. Дед заупрявился, вцепился в косяк:

– Пронырливый выскочка, ты просто хочешь поглазеть на мои причиндалы.

– Ты раскусил меня, Леопольд.

– Саша, перестань ему потакать! – выкрикнула Регина.

Сашка без труда отвел руки деда в сторону и протолкнул кресло вперед.

Внутри дом был самой простой стариковской избой. Одна комната очень большая, зато в другую едва помещалась табуретка. Кухня длинная и узкая, заставлена множеством приземистых шкафчиков с круглыми ручками и мозаикой облупившейся краски. Столешницы были здорово стерты, до пологих вмятин в древесине. С бревенчатых стен свисала пакля. Даже свет падал по-особому, словно солнце на век застыло в одной точке – чуть выше избушки, оставляя короткие тени всегда в одинаковой позе. Под потолком скреблись мыши. Окна обрамляли полотняные занавески, дощатый пол поскрипывал при ходьбе, некоторые половицы держались, если наступить на них – от этого сервант у стены трясся фарфоровым перезвоном. Мебель затертая, тяжелая, словно вросшая в старую избу. Дом тщательно впитывал в себя время, каждый уголок помнил сотню лет до сего дня. Это прослеживалось в размеренном ходе быта – фотография на стене выцвела и пожелтела, но продолжала висеть; сложенный в шестнадцать раз газетный листок втиснут за трубу, чтоб та не трещала; ветка полыни давно засохла, но все торчала в прорехе меж досок; какой-то отвар дед заварил, но не выпил и тот затянулся радужными разводами. С другими стариками Леопольда объединяла страсть ко всякому хламу – ничего не выкидывать, все непременно хранить. Слжавшиеся груды бардака всех мастей забивали углы, шкафчики и источали приметный миазм времени, пыльный и скапавшийся душок. Иногда накатывало такое настроение, что

дед любил покопаться в своих накоплениях, он перебирал в руках старье, рассматривал, вздыхал и без устали вспоминал былое. Он не позволял делать уборку – считал, молодые не умеют ценить вещи – тряся над всякой рухлядью, и тихо любил свой милый хламовник. Мелкие предметы переместились на нижние полки, поближе к Леопольду, чтоб он мог дотянуться до них из кресла. Верхние полки оказывались забиты не столь ценным старьем, забытым истлевшим прошедшим временем, побитыми жизнью чемоданами, коробками, кособокими сумками. Газеты – их тут целые тучи десятилетней давности – наращивались ровными стопами, желтели, чернели, но были нужны. В объятиях возрастной хандры, Леопольд любил пересматривать снимки из них, читать заметки. Старик хватался за вещи, как за составные части жизни, мог одолжить садовую лопатку, потом испереживать себя по ее судьбе, корить себя за глупую щедрость, цедить капли в стакан с водой и глотать снотворное, чтоб как-то унять разыгравшееся в ночи страсти по лопатке. Полки, комоды, вещицы на них накапливали слои пыли. От пестроты разномастной гили уставали глаза. В доме было душновато, морило, тянуло в сон. Что ни делай, а пахло всегда затхло, мокрой пылью и древесиной, тлением газет, плесенью, тряпьем, сенильной древностью, стариком и застоем.

Все собрались на кухне. Дед предпочитал на обед жиденький суп. Сашка с трудом уговорил Регину остаться и разделить с ними трапезу. Она нехотя взяла ложку, когда Сашка

разлил еду по тарелкам.

– Куда целый скрой срубил, да разве мне столько съесть! Это вон ты молотишь все подряд, словно мясорубка, хоть таз тебе поставь, и тот умнешь. Неясно куда добро деваётся только, костлявый, как кощей, – дед отпихнул пальцами хлеб, – Дай осьмушку.

Сашка покорно разреза ломтик. Дед пристроился во главе стола и пододвинул к себе стакан с водой, там плавала вставная челюсть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.